

Я тоже хочу Персиковый источник

Путь предстоял неблизкий, поэтому торжественный эскорт уездного начальника выдвинулся заранее. Лишь спустя некоторое время уездный начальник Ян вместе с Чу Цы и Сяо Юанем заняли свои места в экипаже и направились к деревне Чанси.

Когда до ворот оставалось совсем немного, батюшка-чиновник пересел в паланкин. Впереди загремели гонги, расчищая путь, и процессия медленно двинулась вглубь поселения. Юноша и остальные шли следом.

Сяо Юань, заворожённый зрелищем, тихо шепнул дяде:

— Дядя, как же это величественно — быть чиновником!

— Вот именно, — юноша ласково коснулся головы племянника. — Поэтому тебе нужно прилежно учиться. Станешь большим сановником, и все увидят, какой ты важный и статный.

Мальчик серьёзно кивнул:

— Обязательно буду! Вчера учитель даже похвалил меня, сказал, что я быстрее всех заучиваю тексты наизусть!

— И кого же он хвалил больше: тебя или Юй-эра? — как бы невзначай полюбопытствовал Чу Цы.

Сяо Юань тут же надулся. Ну что за привычка у дяди — портить такой момент!

«Пхи-ли-па-ла, пхи-ли-па-ла!» — петарды гремели не умолкая. Когда земля у входа в деревню покрылась сплошным ковром из красной бумаги, паланкин остановился, и уездный начальник неспешно вышел к людям.

На нём было парадное облачение-буфу с вышитыми уточками-мандаринками, и один его вид внушал простолюдинам благоговейный трепет.

— Приветствуем батюшку-чиновника! — глава городка Пинъань вместе с деревенским старостой и старейшинами склонились в глубоком поклоне.

— Вольно, почтенные мужи. Я прибыл сегодня, чтобы поздравить вас. В деревне Чанси явился муж, удостоенный звания «Добродетельного и честного», что само по себе красноречиво

говорит о чистоте ваших нравов. Я уже велел мастерам изготовить мемориальную арку — её установят у въезда, дабы каждый путник мог выразить своё почтение.

— Благодарим батюшку-чиновника за милость! — отозвался один из стариков, чей голос дрожал от волнения. — Если бы не ваше мудрое правление, разве могла бы наша деревня взрастить такой талант?

Старик так трясся при каждом слове, что Чу Цы всерьёзы опасался, как бы тот не рассыпался прямо на месте. Сановник Ян, видимо, разделял эти опасения, а потому, быстро успокоив старца, велел всем присесть на подготовленные скамьи.

— Внести памятную доску!

Двое стражников с тяжёлыми дао на поясах, сохраняя суровый вид, вынесли массивную доску, укрытую алым шёлком.

— Сюцай Чу, эта награда дарована тебе. Тебе и открывать её.

— Батюшка-чиновник, позвольте молвить слово, — обратился юноша. — У ученика есть одна нижайшая просьба.

— Говори, — взгляд Яна был на редкость ласковым. Вчера он уже прощупал почву и понял, что после визита инспектора его собственное повышение — дело решённое. Теперь он готов был пылинки сдувать со своего протеза.

— Моя матушка вынесла все тяготы, даруя мне жизнь, и её воспитание стало для меня опорой. Родительский долг столь велик, что его не оплатить и за вечность. Посему я прошу вашего дозволения: пусть матушка разделит со мной эту честь и вместе со мной снимет покров с доски.

— Истинный сын! — воскликнул Ян. — Наша империя испокон веков правится милосердием и сыновней почтительностью. Твоё желание похвально, и я не стану тому преградой. Немедля позовите мать почтенного сюцай!

По приказу начальника слуги бросились за матушкой Чу. Растерянную женщину вывели к высокому гостю, и при виде сановника в официальном облачении у неё подкосились ноги — она едва не рухнула на колени от страха.

— Матушка! — Чу Цы быстро подошёл к ней и, опустившись на колени, трижды коснулся лбом земли. — Долгие годы мои занятия ложились тяжким бременем на ваши плечи, а также на плечи брата и невестки. Сегодня, принимая эту высокую милость, я прошу вас: откройте эту доску вместе со мной.

— Сяо Эр, встань, — глаза старушки наполнились слезами. — Раз ты просишь, я сделаю, как ты велишь.

Сцена тронула всех присутствующих до глубины души. Окружающие старейшины довольно кивали: именно такую преданность семье они и хотели видеть в молодёжи.

Сюцай и его мать встали по обе стороны от доски и одновременно потянули за край красного шёлка. В то же мгновение взорам людей открылись четыре сияющих золотом иероглифа. В лучах полуденного солнца они сверкали так ярко, что на них было больно смотреть.

Стражники пронесли награду по всей деревне. Жители выходили к порогам своих домов и опускались на колени, приветствуя процессию и выражая почтение уездному начальнику.

В конце концов люди достигли родового храма.

Поминальную табличку покойного отца Чу уже перенесли на почётное место в центре. Лишь после того, как Чу Цы вместе с Чу Гуаном и маленьким Сяо Юанем воскурили благовония, сияющую табличку торжественно внесли внутрь.

Сановник Ян зачитал официальный указ, после чего пожаловал юноше новое облачение — фэйюйфу и двадцать лянов серебра. Сюцай, не раздумывая, объявил, что жертвует эти деньги общине: на ремонт храма и на закупку благовоний для поминовения предков.

Раньше в этой деревенской глуши предков почитали лишь по большим праздникам — у простых крестьян не было времени на церемонии. Но теперь, когда здесь висела почетная доска, алтарь требовал ежедневного внимания. Двадцати лянов, пусть сумма и не заоблачная, должно было хватить года на четыре, а то и на пять.

Когда доску закрепили на центральной балке под самым потолком, казалось, сам воздух в храме изменился, наполнившись торжественностью. Староста повёл людей на поклон — отныне это место получило имя: «Храм Добродетельных и Честных».

***

Деревенские женщины споро накрыли несколько столов, выставив лучшие кушанья и вино, чтобы отблагодарить гостей из уезда. Ян, желая и дальше укреплять связи с Чу Цы, обмолвился, что в управе сейчас не хватает людей, и спросил, нет ли у него на примете надёжного человека на должность смотрителя складов. Работа непыльная: присматривать за амбарами, иногда выполнять мелкие поручения. Жалованье — пять цяней в месяц, не считая подношений по праздникам, да и всегда можно найти, чем поживиться. За год такой службы можно было легко скопить лянов тридцать — куда выгоднее, чем гнуть спину в поле.

Молодой человек тут же вспомнил об одном подходящем человеке. Его старший брат, Чу Гуан,

был слишком прямодушен и немногословен для службы в управе — его бы там быстро подставили, а он и не заметил бы.

А вот дядя Чу — муж тётушки — был совсем другого кроя. Годы службы у ворот поселковой управы научили его говорить с людьми на их языке, а с подлецами — на их. Он видел жизнь со всех сторон и вряд ли позволил бы себя обвести вокруг пальца. К тому же, при всей своей житейской хитрости, сердце у него оставалось добрым. Иметь своего человека в уезде всегда полезно.

Юноша с улыбкой порекомендовал дядю Чу. Яну было всё равно, кого брать, главное — оказать услугу юноше. Он шепнул пару слов своему советнику, тот пересел за стол к главе городка, и меньше чем через четверть часа дело было слажено.

После обеда сановник со свитой отбыли. Сючай, с разрешения главы академии, мог остаться дома на пару дней. Он поручил Чжунли Юя заботам Чжан Вэньхя, так как дома оставались дела, требующие срочного решения.

— Матушка, брат, невестка, — Чу Цы выложил на стол бумаги. — Здесь банкноты на пятьсот лянов серебра. Это мои деньги от продажи книг.

— Что?! Сколько?! — у домочадцев перехватило дыхание. Совсем недавно он принёс документы на дом и землю, а теперь — пятьсот лянов. Неужели деньги в мире стали ничего не стоить, пока они сидели в своей деревне?

— Да, я и сам не ожидал, что напечатают столько экземпляров. Видимо, за сборником задач приехали даже из соседних уездов.

«Это лишь малая часть дохода. Подумать только, в древности сборники упражнений были настоящим дефицитом!»

— Спрячь эти деньги, — твёрдо сказал Чу Гуан. — Когда вы с Сяо Юанем отправитесь в столицу на экзамены, мы наймём лучшую охрану, чтобы оберегать вас в пути.

— Нет, брат. Эти деньги пойдут на строительство нового дома.

— Даже если строить такой, как у старосты, уйдёт лянов семьдесят-восемьдесят. Остальное нужно сохранить, — возразил старший Чу.

— Понимаешь, брат... Мне кажется, наш дом должен быть просторнее. В этом году я иду на экзамены, и если всё сложится удачно, нам придётся принимать гостей из академии и односельчан. Пир будет горой, и тесный двор нам не годится. К тому же Сяо Юань растёт, у него появятся друзья в училище, и ему тоже захочется приглашать их к себе.

Его слова заставили брата задуматься. Действительно, когда Сяо Эр стал сюэем, они были бедны, и скромный праздник никого не смутил. Но если он станет цзюйжэнем, а семья будет жить в лачуге, это может бросить тень на его репутацию.

— Значит, построим большой дом! Завтра же пойду к старосте договариваться о выкупе земли за нашим домом.

— И ещё, брат... Выкупи заодно и тот холм, что примыкает к участку. Мы засадим его цветами и кустарниками, устроим там изящный сад. Чтобы в любое время года там было красиво.

В юноше внезапно проснулся неисправимый романтик. Ещё читая «Персиковый источник», он грезил о том, чтобы однажды обустроить свой собственный тихий уголок.

Матушка Чу и Чу Гуан переглянулись. Им показалось, что Сяо Эр начал немного сорить деньгами. Покупать целый холм ради цветов? Разве не практичнее посадить там овощи или разводить кур?

Ближе к вечеру потянулись односельчане с подарками и поздравлениями. Волна за волной люди заполняли тесный дворик семьи Чу. Лишь тогда Чу Гуан окончательно убедился: брат прав, дом должен быть огромным.

— Ох, а я ведь всегда говорил, что наш А-Цы — парень хваткий! И лицом вышел, и статью, не чета нам, грешным. И вот — государственная награда! Вот это я понимаю, выбился в люди!

Голос дяди Чу раздался ещё издали. Деревенские, завидев родственника, начали расходиться, оставляя подношения и поздравления.

Тётушка Чу лишь улыбнулась всем и сразу ушла на кухню помогать матушке.

— Дядя, вы как раз вовремя. У меня к вам дело.

— Какое дело? Только скажи, племянник, всё исполню! Я ведь говорил — в управе у меня все важные люди в знакомцах числятся.

— Ха-ха, именно об этом и речь. Сегодня за обедом батюшка-чиновник обмолвился, что им в уезде нужен кладовщик, и просил меня посоветовать кого-нибудь. Я сперва о брате подумал, да невестке скоро рожать, хозяйство расширяем — не до того ему сейчас. Вот я вас и предложил. Завтра, как пойдёте в городок, вас наверняка известят.

— Ох! Батюшки мои! Неужто?! — Дядя Чу аж задохнулся от восторга. — Да-да, конечно! Гуану никак нельзя, невестке покой нужен. Слушай, А-Цы, у матушки твоей здоровье слабое, так я жене велю: как время родов подойдёт, пусть перебирается к вам на подмогу на пару месяцев. Будь спокоен, за всем присмотрим!

Тот сиял от счастья, не зная, куда себя деть. Потом он чуть посерьёзней:

— А-Цы, ты мне такую службу сослужил, даже не знаю, чем отплатить. Одно только тревожит: люди в уезде — они как, не слишком суровые? Вдруг я там кого невзначай обижу, так и тебе забот прибавлю вместо благодарности.

Сюцай невольно усмехнулся. Хитёр дядя, ох хитёр: и обстановку разведаль, и лишний раз подчеркнул, что под его именем пойдёт.

— Не тревожьтесь. Идите смело. Батюшка-чиновник человек мудрый и милосердный, он не даст своих в обиду.

— Ну, раз ты так говоришь, мне спокойнее. Да, подарок-то у жены остался, пойду заберу! — Он вскочил и почти бегом бросился на кухню.

Братья переглянулись и рассмеялись. Ведь они ясно видели у него в руках красный конверт, который тот только что припрятал. Видимо, поняв, какую выгоду получил, дядя Чу решил, что старый подарок слишком скуден, и побежал добавлять денег.

И точно: вскоре он вернулся и вручил конверт, в котором лежало два лян мелким серебром. Похоже, выгреб всё, что было при себе.

— Поздравляю тебя, А-Цы! Великая честь! Даст бог, и на провинциальных экзаменах твоё имя украсит список победителей, а добрые вести достигнут самого Золотого списка!

<http://bllate.org/book/15354/1432477>